

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
Школа актуальных гуманитарных исследований

Алексей Алексеевич Гиппиус. Фотография А. А. Фитискиной. 2022

От сорочка к Олекше

Сборник статей
к 60-летию А. А. Гиппиуса

Статьи собрали

С. М. МИХЕЕВ
Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

| Издательский дом ДЕЛО |
Москва | 2023

УДК 80
ББК 80/81
О80

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Александр Геннадьевич Кравецкий, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ «Высшая школа экономики»

Александра Андреевна Плетнёва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

РЕДАКТОРЫ

С. М. Михеев (отв. редактор), Д. В. Сичинава, Т. В. Гимон, Ф. Б. Успенский

От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. — Москва : О80 Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 624 с.: ил. 32. — ISBN 978-5-85006-504-1.

В сборник вошли более трех дюжин статей сорока друзей и коллег Алексея Алексеевича Гиппиуса. Большинство статей посвящены лингвистическому, филологическому и историческому анализу летописей, берестяных грамот и надписей, то есть тех памятников письменности, которые находятся на острие научного внимания нашего юбиляра. Статьи сборника упорядочены по хронологическому принципу — от X в. к современности, хотя большая их часть связана с древнерусской эпохой. Завершают этот том воспоминания Б. А. Успенского о написании и издании его книг.

Для историков, лингвистов и широкого круга интересующихся культурой Древней Руси.

ISBN 978-5-85006-504-1

УДК 80
ББК 80/81

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023

Содержание

<i>Р. Н. Кривко.</i> Язык и формуляр Самуиловой надписи 993 года	9
<i>П. В. Лукин.</i> Еще раз о «Фарьманской теории»	34
<i>К. Цукерман.</i> Древнейшее сказание 1016/17 года — первый литературный памятник Руси	47
<i>Д. А. Добровольский.</i> «Слово о вере христианской и о латинской» в ряду сочинений Феодосия Печерского: опыт лингвостилистического анализа	67
<i>Т. В. Рождественская.</i> Еще раз о надписях на камне из Софийского собора в Полоцке	83
<i>А. Ю. Виноградов.</i> Повторные освящения церквей в домонгольской Руси и их причины	97
<i>А. А. Фитискина.</i> Промузг(а): «гапакс» Кирика Новгородца	122
<i>А. Ф. Литвина, С. М. Михеев, Ф. Б. Успенский.</i> Необычная печать русской княгини	129
<i>П. С. Стефанович.</i> Миф о боярах-убийцах князя Андрея Боголюбского	145
<i>А. В. Птенцова.</i> «Утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ»: что значит <i>жестокое тѣло</i> князя Игоря?	166
<i>С. Л. Николаев.</i> Акцентные варианты имен <i>Игорь</i> и <i>Борисъ</i> в старовеликорусских памятниках XV–XVIII веков и в «Слове о полку Игореве» конца XII века	176
<i>В. Л. Васильев.</i> Этимологические наблюдения над ономастикой новгородских берестяных грамот	186
<i>П. В. Петрухин.</i> Берестяные грамоты как отражение перехода восточных славян от дописьменного общества к письменному	195
<i>Д. В. Сичинава.</i> Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот	213
<i>Е. А. Рыбина.</i> Термины права в новгородских берестяных грамотах	227
<i>А. М. Введенский.</i> Слово о первых черноризцах печерских: Патерик — Пролог — летопись	248
<i>А. А. Турилов.</i> О палеографической датировке Суздальских «золотых» врат	257
<i>В. А. Волхонский, С. М. Михеев.</i> Каменный крест аркажского монаха Семсена 1234 года	264

ОТ СОРОЧКА К ОЛЕКШЕ

<i>А. А. Горский.</i> За что Лев Данилович убил Войшелка Миндовговича?	289
<i>Т. В. Гимон.</i> «Свод 1305 года»: несохранившаяся «живая летопись»?	294
<i>С. В. Городилин.</i> У кого Лука Варфоломеев взял «землю Заволочкую по Двинѣ всѣ погосты» (К вопросу об интерпретации летописного известия 6850 г.)	319
<i>А. В. Лаврентьев.</i> Два храма. К истории деревянного и каменного строительства в Московском Кремле во второй половине XIV века	346
<i>М. А. Бобрик.</i> Надписи на фресках Вологова (из addenda et corrigenda к Документации Г. И. Вздорнова)	359
<i>Дж. Дзиффер.</i> К рукописной традиции «Слова о законе и благодати»: стратификация текста	375
<i>А. М. Молдован.</i> Новонайденная Сокращенная редакция «Слова о законе и благодати» Илариона	384
<i>С. В. Полехов.</i> Когда был составлен «Список убытков новгородцев»?	403
<i>П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников.</i> Прикладная печать-матрица XV века из Великого Новгорода	416
<i>Вл. В. Седов.</i> Книга для новгородской церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи	420
<i>М. Н. Шевелёва.</i> О плюсквамперфекте и других глагольных формах в одной старорусской грамоте	426
<i>А. И. Грищенко.</i> Неизвестные древнепермские названия дней недели и новгородская письменная традиция	439
<i>А. Г. Авдеев.</i> Стихотворная эпитафия келарю Псково-Печерского монастыря Ионе: неизвестный памятник эпохи московского барокко	456
<i>J. Schaeken.</i> Peter's Bilingual Bible: A curious chapter in Dutch-Russian cultural relations under Peter the Great	467
<i>С. Франклин.</i> К прагматике и коммуникативным функциям малоизученного вида документов XVIII века: указы-бланки	488
<i>М. В. Рождественская.</i> О некоторых древнерусских параллелях к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»	503
<i>А. А. Пичхадзе.</i> Винительный с причастием при глаголах восприятия, мысли и речи в древнерусском языке и русских говорах	511
<i>С. М. Толстая.</i> Заметки о языке олонечких причитаний	522
<i>М. Н. Толстая.</i> Ирреальный эпизод в истории восточнославянских связей	541
<i>Б. А. Успенский.</i> Путь в славистику (Habent sua fata libelli)	553
Об авторах	617
Список сокращений	619

Миф о боярах-убийцах князя Андрея Боголюбского

П. С. СТЕФАНОВИЧ

В статье опровергается расхожее мнение, что князя Андрея Боголюбского в 1174 г. убили именно бояре. Последовательно рассматриваются все возможные аргументы в пользу этого мнения с опорой на древнейшие и наиболее достоверные источники. Автор заключает, что убийцами были представители низшей знати, по статусу близкие западноевропейским министралям.

The myth about the boyar killers of Andrei Bogolubskii

PETR S. STEFANOVICH

The author of this article refutes the popular belief that it was nobles who killed Prince Andrei Bogolubskii. He systematically reviews all the possible arguments in favour of this belief based on the earliest and most credible sources. He concludes that the prince was instead killed by members of the lower nobility (petty nobles) close in status to western European *ministeriales*.

<https://doi.org/10.22394/978-5-85006-504-1-09>.

Среди трудов уважаемого юбиляра — исследование и публикация граффито о гибели князя Андрея Боголюбского в 1174 г., выполненные совместно с С. М. Михеевым (Гиппиус, Михеев 2020). Граффито было обнаружено в 2015 г. на стене Спасского собора в Переславле-Залесском в ходе работы над коллективным проектом по изучению древнерусской эпиграфики.

Надпись представляет собой довольно обширный текст, важнейшим элементом которого является список убийц князя из 11 имен, гораздо более пространный и содержательный, чем списки в летописях, где называются три-четыре имени.

Авторы указанной работы (выполненной на максимально высоком научном уровне) уделили особое внимание списку убийц в граффито, и их усилиями наши знания об этих людях существенно расширились, и прояснились многие детали событий вокруг смерти князя. Вместе с тем работа, освещающая разные проблемы, связанные с этими событиями, оставляет открытым один важный вопрос: кто были убийцы князя с социальной точки зрения, т. е. какой социальной группе они принадлежали и / или интересы какой группы представляли? Авторы только однажды — причем даже не в самой статье, а в резюме — неопределенно высказываются по этому поводу, отмечая «высокий статус зачинщиков заговора» (Гиппиус, Михеев 2020: 64).

Настоящая статья мыслится как дополнение к работе А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, и, опираясь во многом на данные, выявленные или обобщенные ими, она ставит целью уточнить именно этот вопрос. Определение социального статуса или происхождения убийц Андрея Боголюбского позволит лучше понять и суть конфликта, приведшего к гибели князя, и расстановку социальных сил в междоусобице, разгоревшейся после его смерти в 1174–1177 гг.

Историки, начиная с В. Н. Татищева, практически всегда писали об участии представителей боярства (знати, аристократии) в убийстве, хотя в XVIII–XIX вв. вообще мало кто из исследователей специально ставил вопрос о социальном статусе убийц, и нередко писали просто о «дружине», «окружении» и т. п. О боярском участии говорили, прежде всего, опираясь на упоминание родственников некоего Кучка в летописных рассказах об убийстве. С этим Кучком была тесно связана древнейшая история Москвы, так как вторым названием города в XII в. было Кучково (вероятно, державшееся в исторической памяти и позднее), и в летописях и исторических сочинениях XVI–XVII вв., в том числе в довольно популярных «повестях» о происхождении Москвы, «Кучковичи» выставлялись боярами, владевшими то ли самой Москвой, то ли «красными селами» в ее округе.

С большим нажимом о боярах-заговорщиках писали те историки, кто сочувствовал тенденциям укрепления княжеской власти, которые проявились в правление Андрея Боголюбского. В советской историографии общее сочувствие князю «самовластцу», боровшемуся с реакционной знатью, совпало

с марксистской интенцией искать социальные (классовые) корни конфликта. Большинство историков советского периода, прославляя авторитарную политику Андрея, в заговоре против него видели выражение того сопротивления, которое оказывал этой политике «класс феодалов» — т. е. боярство.

В конце XX — начале XXI в. вышли несколько работ, где подробно разбирались и сам вопрос о социальном составе заговорщиков, убивших Андрея, и историография, ему посвященная. Однако выводы, к которым пришли авторы, оказались противоречивы и неоднозначны. В 1987 г. Ю. А. Лимонов, с одной стороны, отметил, что древнейшие известия об убийстве Андрея указывали на слуг-министериалов как заговорщиков. С другой стороны, исходя из общей концепции о большом историческом значении новаторской самодержавной политики Андрея как «талантливейшего государственного деятеля», он заключил, что истинными вдохновителями заговора были реакционные бояре Ростова и Суздаля (Лимонов 1987: 80, 86–96). В конечном итоге в книге Лимонова мы видим ту же схему: прогрессивный князь-самовластец убит мятежной феодальной знатью, отстаивающей свои классовые интересы.

И. Я. Фроянов по-другому объяснял причины конфликта. По его мнению, князь был убит в «результате острых противоречий, возникших между владимирской общиной и княжеской властью» (Фроянов 1995: 647). В самом заговоре участвовали как представители знати, так и другие социальные слои — но именно владимирской «волости», которая добивалась самостоятельности от Ростова и Суздаля. Князь не смог обеспечить этой самостоятельности, и это привело «владимирцев» к заговору против него.

Фактически такой же концепции «межгородской борьбы» придерживается Ю. В. Кривошеев, допуская участие в заговоре и знатных людей из числа «владимирской общины». Но в то же время он готов признать вывод Лимонова, что непосредственными исполнителями общинного замысла были все-таки не знатные люди: заговорщики — это «дворня князя», которых он возвысил (Кривошеев 2003: 63, 65–67). Весьма значительной ему видится фигура Кучка, в котором он распознает «вятического князька» — представителя «старой родовой туземной знати», которая боролась с князьями Рюриковичами. Выражением этой борьбы стало убийство Андрея (Кривошеев 2003: 94)¹.

1. Те же аргументы и выводы повторяются в недавнем издании: Кривошеев, Соколов, Гусева 2021: 9–29.

В целом в работах Ю. А. Лимонова, И. Я. Фроянова и Ю. В. Кривошеева большое значение имеют концептуальные установки авторов, которые существенно влияют на интерпретацию источников — будь то идея борьбы князя-новатора и реакционной аристократии, будь то концепция «волостного строя» или «межгородской борьбы», в которой участвовала «туземная знать». Однако несмотря на все различия в подходах эти работы ведут к выводу, что все-таки те или иные представители знати (боярства) принимали то или иное участие в убийстве Андрея. И этот вывод поддерживает уже давно сложившееся в историографии представление о *боярском* заговоре. Совсем не случайно, что это представление недавно было транслировано как нечто само собой разумеющееся в обобщающей работе по истории Ростово-Суздальской земли признанного специалиста по древнерусской истории. В. А. Кучкин утверждает, что князь погиб из-за предпринятых им «казней бояр»: «те, испуганные начавшимися расправами и недовольные результатами политики своего князя последних лет <...> составили заговор с целью убить Андрея» (Кучкин 2019: 105).

Если же отвлечься от общих построений и оценок и обобщить конкретные аргументы, которые высказывались в пользу тезиса, что Андрея убили именно бояре, получим следующую картину.

Во-первых, практически все авторы исходили из того, что представителем той или иной знати («служилой», «земской», «племенной» и т. п.) был Кучко, двое родственников которого указывает летописная Повесть об убиении Андрея в списке непосредственных убийц — Петра, «Кучкова зятя», и Якима Кучковича. По-видимому, эти же двое указаны и в начале списка граффито.

Во-вторых, нередко считают самих Петра и Якима тоже знатными. При этом часто ссылаются на указание поздних источников, что женой Андрея была дочь Кучка (обычно выступающая под именем Улиты), и тогда выходит, что они вообще были родственниками князя.

В-третьих, знатным считают Ефрема Моизича, указанного в числе убийц в списках Повести по Радзивиловской и Московской Академической летописям, а также Летописцу Переяславля Суздальского. Он фигурирует и в граффито. «Упоминание летописцем имени Ефрема с отчеством есть, пожалуй, признак знатности», — так выразил И. Я. Фроянов распространенный подход современных историков в оценке социального статуса жителей домонгольской Руси (Фроянов 1995: 644).

В-четвертых, к мысли об участии бояр в заговоре склоняют некоторых историков косвенные данные, свидетельствующие о недовольстве бояр Ростово-Суздальской земли политикой Андрея. На это особенный упор делает Ю. А. Лимонов. Он подчеркивает равнодушие бояр и высшего духовенства относительно того, как и где надо было хоронить убитого князя, а также безнаказанность убийц непосредственно после убийства. Оценивая расстановку социальных и политических сил в момент заговора, Лимонов заключает, что от смерти Андрея выиграли, прежде всего, именно бояре, а также его родственники князя Ярополк и Мстислав Ростиславичи (которых бояре — по мнению Лимонова, совсем неслучайно — пригласили княжить вскоре после смерти Андрея).

К этим аргументам примыкают некоторые соображения А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, основанные на интерпретации данных граффито и нацеленные на более точное определение упомянутых в нем личностей. Так, исследователи, присоединяясь к мысли, что Кучко был «боярином» (Гиппиус, Михеев 2020: 64), предполагают также, что он мог происходить из Новгорода с Прусской улицы. Опорой для этого суждения дает, прежде всего, написание имени Кучка через *ц* (Куцко) как в граффито, так и в отдельных списках Повести об убиении Андрея. Кроме того, авторы обращают внимание на отчество главного заговорщика Петра, обозначенного в летописной Повести как «Кучкова зятя», — в граффито он фигурирует как *Фралович*, т. е. сын Фрала / Флора. Наличие в московском кремле конца XIV–XVI в. Флоровской башни (позднее известной как Спасской) позволяет авторам причислить и Кучка, и этого Флора к «первоначальной московской знати». Исследователи также выделяют в списке убийц, представленном в граффито, Добрыню Микитича. Они «предположительно» отождествляют его с ростовским боярином Добрыней Долгим, погибшим в Липицкой битве у Юрьева-Польского в июне 1176 г. (Гиппиус, Михеев 2020: 80–83).

Прежде чем проверить на прочность все эти аргументы и соображения, надо хотя бы кратко остановиться на вопросе, какими источниками мы располагаем для оценки событий 1174 г. Это тем более необходимо, поскольку, к сожалению, в тех работах трех историков, о которых речь шла выше, нет ясного представления о надежных и недостоверных сведениях. В той или иной степени все три автора полагаются на источники позднейшего происхождения. В большей степени это характерно для И. Я. Фроянова и Ю. В. Кривошеева, которые практически равным образом используют сведения и летописей XIV–XVI вв.,

и повестей о Москве XVII в., и В. Н. Татищева. Но и Ю. А. Лимонов считает возможным черпать данные из относительно поздних летописей — таких как Московский летописный свод конца XV в. или Львовская летопись. С осторожностью и оговорками он принимает некоторые сведения и Степенной книги сер. XVI в., и даже того же Татищева (Лимонов 1987: 93–94).

Ни один из авторов не обосновывает такое расширение источниковой базы специальным научным анализом, и использование тех или иных данных носит у них, по выражению Я. С. Лурье, «потребительский» характер. Между тем происхождение практически всех источников, которыми мы располагаем, сегодня достаточно хорошо выяснено, и их сравнительно легко можно условно распределить по нескольким категориям, отделив зерна от плевел.

В первую категорию входят тексты, созданные современниками событий. Прежде всего это Повесть об убиении Андрея, дошедшая до нас в двух основных редакциях в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Эти редакции отражают в той или иной степени протограф, созданный, вероятно, вскоре после описываемых событий и попавший во владимирское летописание уже в конце XII в. Кроме того, известие об убийстве Андрея содержится в Новгородской 1-й летописи под 6682 (1174) г. Согласно «лингво-текстологической стратификации» текста НПЛ, разработанной А. А. Гиппиусом, автором этого известия надо считать летописца, работавшего при архиепископе Илье в 1165–1186 гг. (Гиппиус 2006: 210–215). Наконец, в эту же группу надо зачислить и граффито на стене Переславского собора. Оно было написано, конечно, вскоре после убийства Андрея, а, как предполагают А. А. Гиппиус и С. М. Михеев, в течение года правления Всеволода в Переяславле с июня 1175 по июнь 1176 г.

Вторую категорию составляют несколько летописных записей XIV–XVI вв. Прежде всего это рассказ о казни убийц Всеволодом, который содержится в особой статье, предшествующей летописному повествованию в списках Новгородской 1-й летописи младшего извода, — «А се князи русьстии». Тот вид, в каком статья дошла до нас, она получила в начале XV в. Однако некое ее ядро с информацией о владими́ро-суздальских князьях XII–XIV вв. восходит, весьма вероятно, к середине XIV в. (Сиренов 2018: 172). О «Кучковичах» вспоминает московский летописец, рассказывая историю убийства боярина Алексея Хвоста в 1357 г. (Рогожский летописец). Наконец, к этим известиям надо причислить некоторые дополнения к Повести об убиении Андрея, которые содержатся в Тверском сборнике — летописи,

составленной в 1520-е гг., но включившей некоторые ранние сообщения из ростово-владимирской летописной традиции.

Во вторую категорию можно зачислить ту историческую информацию, которую содержат знаменитые миниатюры Радзивилловской летописи, созданной в конце XV в. По крайней мере, в сюжетах и композициях миниатюры так или иначе отражаются изображения той летописи, с которой копировалась Радзивилловская. А это была, скорее всего, иллюминированная летопись домонгольского времени, содержавшая переяславский свод 1214 г.

К третьей категории я отношу все прочие сведения и рассказы, которые дошли до нас в летописных и исторических сочинениях XVI–XVIII вв. — от Никоновской летописи до Повестей о Москве и «татищевских известий». Легендарность и вымысел в этих рассказах очевидны, и об этом уже неоднократно писали разные ученые. Нельзя, разумеется, исключать, что нечто достоверное эти источники сообщают, но нужен тщательный анализ каждого отдельного свидетельства *per se* и в сравнении с другими данными, прежде всего, предварительно отобранными более ранними и надежными. В настоящий момент ввиду отсутствия такого рода анализа привлечение источников третьей категории представляется методологически некорректным, и в данном случае они не рассматриваются.

Наиболее надежную историческую информацию содержат тексты первой категории. Источники второй категории доносят некоторые достоверные сведения, но в искаженном виде. Имея в виду эту оценку источников, можно оценить теперь аргументы, которые приводятся в пользу тезиса о «боярском заговоре».

Начнем с Кучка. Источники второй категории о нем, в сущности, ничего не сообщают. Та информация, которую можно почерпнуть из источников первой категории, косвенная. Как уже выше говорилось, в Повести об убийении Андрея (по всем редакциям) в списке заговорщиков указаны Петр «Кучков зять» и Яким Кучкович — к Кучку отсылают дополнительные обозначения этих двух лиц. В граффито, видимо, первый из них указан как Петр Фралович без упоминания его родственной связи с Кучком. В редакции Повести по Ипатьевской летописи еще сказано, что к заговору против князя убийц подтолкнуло известие, что Андрей «велел казнить» брата Якима, очевидно, другого сына Кучка, не названного по имени (ПСРЛ 2: 585). В киевской летописи, вошедшей в состав Ипатьевской, в рассказе об усобице после смерти Андрея как второе название Москвы упоминается Кучково («идоша до Кучкова рекше до Москвы»)

(ПСРЛ 2: 600). Этот же топоним фигурирует еще в новгородской берестяной грамоте сер. XII в. (№ 723, ДНД: 355). По данным конца XIV–XVI в. известно Кучково поле, которое находилось на окраине тогдашней Москвы, в районе нынешней Сретенки (древнейшее упоминание под 1379 г.: ПСРЛ 15: 137).

Вот и все сведения. Их совсем немного, и, строго говоря, надо признать, что они допускают самые разные догадки по поводу того, кем был этот Кучко. В сущности, ясно только следующее: 1) автор Повести (но не автор граффито!) исходил из того, что Кучко был относительно известен, для того чтобы его упомянуть как родственника Петра, 2) два сына и «зять» Кучка состояли на службе князя, а один сын и «зять» были участниками заговора, 3) можно думать, от его имени образованы топонимы «Кучково» и «Кучково поле», которые связывают его с Москвой (хотя прямо об этом древнейшие источники не говорят). Если сыновья Кучка служили Андрею Боголюбскому, деятельность их отца можно относить к эпохе Юрия Долгорукого, отца Андрея. При Юрии была построена крепость в Москве (по вероятному известию Тверского сборника, в 1156 г.), и В. А. Кучкин, рассмотрев разного рода данные по древнейшей истории Москвы, сделал вывод, что Кучко был «княжеским наместником» в этой крепости, а ее название произошло от «лица, которое не владело» поселением или местностью, «а только управляло» (Кучкин 1996: 8).

Вывод о связи Кучка с устройством Юрием оборонительного пункта на реке Москве выглядит вполне вероятным. Это объясняет и относительную известность личности, и образование топонимов. Археология свидетельствует, что крепость была построена на месте, где до того постоянного поселения не было (на холме при впадении Неглинной в Москву) (Кренке 2004: 68). Сама местность называлась Москы / Московь / Москва, но именно новоотстроенный городок могли называть по имени лица, ответственного за его возведение.

Вместе с тем опять же строгость требует признать, что именно в такой формулировке вывод не является единственным возможным: как ничто не обязывает думать, что речь шла именно о боярине-вотчиннике (против этой версии и возражает более всего В. А. Кучкин), так и не обязательно предполагать какого-то «наместника». Вполне вероятным было бы, например, предположение, что Кучко был лицом, которому князь просто поручил строительство крепости. А такого рода поручения могли выполнять самые разные люди. Известен случай как раз из истории Владимиро-Суздальской земли XII в., когда строительством города по заданию князя занимался его тиун.

В 1194 г. Всеволод, князь владимирский, «посла тивуна своего Гюрю с людьми в Русь и созда град на Городци на Вьстри» (т. е. отстроил крепость в Городце Остерском) (ПСРЛ 1: 412). При этом надо иметь в виду, что тиуны — княжеские слуги, выполнявшие административные, судебные и хозяйственные задачи, — при некоторых условиях могли иметь холопский статус («тивунство без яду» в ст. 110 Пространной Русской Правды).

Так или иначе, как бы именно ни был связан Кучко с Кучковым / Москвой (если вообще был связан), социальный статус этой личности остается нам неизвестным. Теоретически это мог быть и боярин, и представитель низшей знати («младшей дружины», как пишут в историографии, хотя не совсем терминологически точно, — ср. ниже), и даже человек несвободный. Догадка о новгородском происхождении Кучка никак не проясняет его социальный статус; из Новгорода мог выйти как боярин, так и купец, и слуга-«дворянин», и тиун². Во Владимире его знали, а в переяславской надписи отдельно (вне отчества Яким) не упомянули, и, может быть, это говорит о локальной его известности.

В любом случае, подчеркну, ни один источник из выше выделенных первой и второй категорий не называет Кучка боярином. Другое дело, что в текстах второй категории появляются лица, обозначенные как «Кучковичи», и в одном из этих текстов они даже и прямо названы боярами. Однако насколько можно верить этому обозначению?

В статье «А се князи русьстии» Кучковичи выставлены не только главными, но и единственными инициаторами и исполнителями злодейского убийства «святого князя» (НПЛ: 467–468). О них не говорится прямо как о боярах; они выступают группой или кланом приближенных князя, которые «льстят» «под ним», т. е. обманывают его, еще со времен его молодости, когда он ушел из Киева, нарушив наказ отца. Важнейшее уникальное известие статьи состоит в упоминании о казни Кучковичей Всеволодом Юрьевичем «на третии год» после

2. Эта догадка играет немалую роль в исторических построениях С. З. Чернова в книге, вышедшей из печати, когда данная статья уже была написана (Чернов 2023: 315–319). С. З. Чернов предполагает, что область вокруг Москвы до конца 30-х — начала 40-х гг. XII в. находилась во владении Новгорода, а не ростово-суздальских князей. Допуская возможность такого предположения на основе археологических данных, блестяще проанализированных автором (речь идет об исследовании древнерусской Шерны, городка к северо-востоку от Москвы), я хотел бы в то же время отметить, что данные древнейших письменных источников не могут подкрепить эту гипотезу. С высказанной С. З. Черновым мыслью, что Кучко был новгородским боярином, породнившимся с Андреем Боголюбским, мы вынуждены возвращаться лишь в кругу поздних и ненадежных источников.

убийства Андрея. Вполне возможно, что это известие отразило реальность. Однако весь рассказ об Андрее и «мести» за его убийство наполнен явными несообразностями и анахронизмами, которые выдают позднейшее происхождение текста. Так, постоянно говорится о «великом княжении» во Владимире как особом политическом институте (как таковой оно сформировалось только после монгольского нашествия), Андрей назван «святым» (хотя в домонгольское время его культ еще не сложился), ошибочно сказано о приходе «из заморья из Селуня» Всеволода на третий год после убийства Андрея и т. д.

Такое же впечатление производят те дополнительные сведения, которые дает Тверской сборник в Повести об убиении Андрея. Здесь главное (и наиболее известное в литературе) уникальное сообщение — это то, что убийство князя произошло не только «от своих бояр от Кучковичев», но и «по научению своа ему княгини», которая была «болгарка родом». Само по себе сообщение о жене князя не выглядит выдумкой. Но другие дополнения в редакции Повести по Тверскому сборнику говорят о том, что за ними стоят не какие-то точные данные (древние записи и т. п.), а более или менее позднейшие предания. Так, летописец пишет о том, что якобы князь Андрей жил не только в Боголюбове, но и рядом на погосте Спас-Купалище, где он «ловы творяше» и «прохлаждаашеся» (ПСРЛ 15: 250–251). Это — явные местные легенды, внесенные в летопись, скорее всего, из устных рассказов.

Таким образом, данные, приведенные в статье «А се князи русьстии» и в Тверском сборнике, отражают некую нарративную традицию, которая сложилась во Владимире и Москве в полуполюгендарные рассказы о событиях, связанных с убийством Андрея. Какие-то сведения из этой традиции можно расценивать как достоверные. Но нельзя считать достоверными точные детали и характеристики участников событий. «Кучковичи» выступают в этих текстах как некое обобщенное обозначение предателей и злодеев, поднявших руку на своего князя. Для людей эпохи XIV–XV вв., когда зарождалось местничество, естественным было представлять этих изменников как бояр, объединенных в один клан. В таком смысле о них вспоминал и московский летописец XIV в., сравнивший убийство боярина Алексея Хвоста «тайным советом» с гибелью князя Андрея: «да яко же Андреи Боголюбьи от Кучкович, тако и сии от своа дружины пострада» (ПСРЛ 15: 65). «Своя дружина» или группа знати, изменяющая своему господину, вступающая в заговор против него и губящая его, — вот архетипический сюжет, под который подстраивались исторические рассказы в изложении позднесредне-

вековых летописцев. В этих рассказах нельзя верить таким деталям, как указание на социальный статус.

Стоит добавить, что упоминание Тверского сборника об Андреевой жене «болгарке» находит косвенное подтверждение в миниатюре Радзивилловской летописи, на которой в сцене убийства князя изображена знатная женщина, стоящая рядом. Может быть, художник первоначальной миниатюры изобразил именно жену (вдову) Андрея, которая имела какое-то отношение к заговору (см. Кузнецов 2012). Однако вне зависимости от (не)доверия этому сообщению Тверского сборника надо подчеркнуть, что источники второй категории (не говоря о первой) не содержат и намека на то, что Андрей был женат на дочери Кучка (первым или каким бы то ни было другим браком).

В сущности, мифичным является даже наименование «Кучковичи». Его не знают источники первой категории, и оно явно было сконструировано в позднейшей традиции — либо устной, либо летописной. Как говорилось выше, Повесть об убиении Андрея по именам называет только зятя Кучка Петра и его сына Якима, а также упоминает, что был еще некий брат Якима, не участвовавший в заговоре. Об этом последнем сказано только следующее: Якиму «некто» сообщил, что «брата его князь велѣл казнить» (ПСРЛ 2: 585). Но чем занимался этот брат и чем руководствовался князь, вынося решение о казни, свершилась ли казнь и вообще правдой ли было это сообщение, — все это остается неясным³. Слово *зять* в древнерусском могло означать мужа не только дочери, но и сестры (СДРЯ III: 436). А значит, нет уверенности, что у Кучка была дочь. В любом случае, Петр Фралович не был кровным родственником Кучка и его сыновей, а в заговоре принимал участие только один сын Кучка. Едва ли позволительно говорить в этой ситуации о каком-то клане бояр-заговорщиков.

К сожалению, о социальном происхождении Петра, Кучкова зятя, не может ничего сказать его отчество Фралович, указанное в граффито. Не могу поддержать цепь догадок А.А. Гиппиуса и С.М. Михеева, предполагающих, что отчество этого человека связано с наименованием Флоровской башни московского кремля, а эта связь, в свою очередь, что-то сообщает о «первоначальной

3. Правда, чуть ниже передается речь Якима, обращенная к «братьи своеи к злым свѣтником» (т. е. заговорщикам), где он говорит о своем брате: «днесь того казнил, а нас завутра — а промыслимы о князь сем». Но это очевидное риторическое преувеличение в драматическом призыве к срочным действиям. Эти слова не нужно воспринимать в прямом смысле и заключать, что в самом деле уже состоялись какие-то «казни бояр» (ср. выше утверждение В.А. Кучкина).

московской знати». Башня появилась только в белокаменном кремле, построенном при Дмитрие Донском в 1366–1367 гг. (впервые упоминаются «враты Фроловские» в летописной повести о нашествии Тохтамыша 1382 г. — ПСРЛ 42: 146), и нет никаких данных о происхождении названия. По археологическим материалам трудно сказать что-либо определенное о самом месте, где была построена башня; похоже, что оно вообще было не заселено в XII–XIII вв. (Панова 2013: 78–82, 97, карта на с. 268). Единственное, что может роднить Петра и башню — это только то, что на Руси с древнейшей поры почитали святых Флора и Лавра.

Зато есть свидетельство о статусе Якима Кучковича. Повесть об убиении Андрея по Ипатьевской редакции начинается рассказ о заговоре с сообщением, что Яким (и здесь он назван без отчества) был «слуга възлюблены имъ» (князем). Теоретически можно думать, что указание на «слугу» носит здесь не строго терминологический характер — автор хотел просто подчеркнуть, что князь доверял человеку, который ему *служил*. Но против такой трактовки говорит, во-первых, то, что в других случаях автор этой редакции Повести пользуется вполне определенными социальными характеристиками, а во-вторых, то, что в источниках не позднее начала XIII в. термин «слуга» употребляется именно и только как точный социальный термин для обозначения низшей (мелкой) знати при княжеском дворе (Горский 2019: 301; Стефанович 2021: 327). Сопоставление с термином *милостник*, которым характеризуются в других случаях заговорщики (см. ниже), убеждает в том, что обозначение Якима «служгой» отсылало к социальному статусу, и он был не боярский.

Сложнее обстоит дело с самим фактом именованя Петра, Якима и еще нескольких убийц отчествами. В Повести об убиении Андрея с отчествами именуются Яким Кучкович и Ефрем Моизич. В граффито помимо Петра Фраловича появляется еще несколько *-ичей*: дополнительно к списку Повести убийцами указаны Добрыня Микитич и Петр Иванкович. Можно ли согласиться с утверждением И. Я. Фроянова, что «упоминание с отчеством есть признак знатности» (ср. выше)?

Основано это утверждение на позднейшей практике употребления отчеств на *-ич* в Московском государстве XVI–XVII вв. Но применительно к более раннему времени, тем более XII в., нет однозначных данных в его пользу. О том, что наличие или отсутствие *-ича* в именовании людей *должно было непременно* отражать их социальный статус, не пишут ни историки, занимающиеся социальным строем домонгольской эпохи, ни исследователи антропонимики и практики имянаречения. Хотя

признается, что «отыменные формы на -ич» были «своеобразным признаком элитарности» или обладали неким «элитарным характером», но «никаких правил, строго закрепляющих право на отчество за какими-то социальными категориями, по-видимому, не было» (Литвина, Успенский 2006: 326–327, 333).

Благодаря исследованиям древнерусской эпиграфики, которые проводят А. А. Гиппиус и С. М. Михеев, есть возможность верифицировать утверждение И. Я. Фроянова на сравнительно представительных и надежных данных, относящихся к домонгольскому времени. В готовящемся своде надписей на стенах Новгородского Софийского собора в той или иной форме встречается более 20 патронимов, и все они относятся к домонгольскому периоду⁴.

В основном, надписи такого рода в Софийском соборе прямо ничего не говорят о социальном статусе того, кто их написал или кто имелся в виду в них. Трудно сделать какие-то выводы из такой, например, надписи: «Ст-[п]ань ѡль Рожн[ѣ]тиць» (Медынцева 1978: 125, 275 (рис. 114), № 187). Однако есть случаи, где нечто все-таки угадывается.

Например, несколько надписей оставлены на стенах в алтарной части собора, а значит, скорее всего, их авторами были духовные лица. Так, в алтаре свои автографы оставили Лука Кузмич, Нежата Иванич и Местята Жабчевич — вероятно, священники или дьяконы⁵. Вполне вероятно, что кто-то из этих лиц, именованных на *-ич*, принадлежал духовному сословию изначально, по происхождению. Вне алтаря есть такая надпись: «Стевите ѡль пономарь Се(с)[т]р—иничь» ‘Стевит Сестрятинич (?) пономарь писал’⁶. Нельзя, конечно, исключать, что духовный сан принимали выходцы из боярства, именовавшие себя с *-ичем* (хотя надежно документированных таких случаев вроде бы не выявлено), но все равно получается, что само по себе принятие сана и переход в группу духовенства, юридически отделенную от светского общества, не лишало человека возможности именовать себя с отчеством (ситуация невозможная позднее в Московском государстве).

4. Я должен выразить чрезвычайную признательность С. М. Михееву, который предоставил мне список всех упоминаний патронимов в своде надписей на стенах Новгородского Софийского собора (подробнее о работе над сводом см. Гиппиус, Михеев 2013; 2021).

5. Медынцова 1978: 67, 82, 228 (рис. 44), 248 (рис. 70), № 59 (Нежата), 87 (Местята). Надпись Луки Кузмича прочитана А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым и пока не опубликована.

6. Прочтение А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева. Ср. предварительную публикацию Гиппиус, Михеев 2011: 53–54.

Показательными кажутся еще две надписи. Одна представляет собой обращение к святому Михаилу человека, который о себе написал так: «Домашька шль Мыслатиниць швьвца», т. е. 'Домашка, сын Мысляты швеца (портного)'. Другую надпись оставил человек, представившийся как «Холопъ Тъшьцевиць»⁷. Теоретически можно считать, что *швец* и *холоп* в этих случаях — это имена-прозвища, а не социальные (или профессиональные) характеристики. Но в любом случае, даже если прозвища, они, пусть и как-то косвенно, указывали на происхождение или занятия их носителя. Особенно вероятным выглядит указание на отца Домашки именно как ремесленника (портного).

В целом, на мой взгляд, эти примеры подтверждают скорее тезис об отсутствии жесткой зависимости именованного с *-ичем* от принадлежности к боярству. Все лица, оставившие перечисленные надписи, очевидно, не были из низов общества (хотя бы потому, что были грамотны), и вполне вероятно, обозначая себя с отчеством, они как раз сознательно хотели как бы повысить свой статус, придав ему «элитарное» звучание. Но боярами они — или, по крайней мере, некоторые из них — наверняка не были.

В этой ситуации не следует придавать большое значение отчествам некоторых из убийц Андрея. Нет других данных, которые поддерживали бы трактовку этих отчеств как указание на боярское происхождение соответствующих лиц. Выше уже приводилось обозначение Якима как «слуги». О Ефреме Моизиче уже не раз писали, что этот человек, происходивший из иной этнической и, вероятно, иноверной среды, едва ли мог встроиться в среду местного ростово-суздальского боярства (см., например: Фроянов 1995: 643–644). Если считать, что он был выходцем из Волжской Булгарии (как полагают А. А. Гиппиус и С. М. Михеев, этимологизируя его отчество), его возвышение можно объяснить женитьбой Андрея на «болгарке».

Указание отчеств Петра Фраловича и Петра Иванковича в граффито, как кажется, лучше всего объясняется контекстом: автор просто хотел различить двух людей с одинаковыми именами (этим можно объяснить и то, что отчество *Фралович* было дописано над строкой уже после того, как строка или надпись была закончена, — автор осознал возможную путаницу и до-

7. Медынцева 1978: 126, 152–153, 275 (рис. 115), 288 (рис. 130), № 189 (Холоп), 210 (Домашка). См. также новое издание надписи Домашки Мыслятинича: Михеев 2018: 178–181, 183.

бавил уточнение *ex post*)⁸. Показателен и сам факт, что в одном случае человек указывается без отчества («Кучков зять»), а в другом — с отчеством (Фралович). То же самое и с Якимом в Ипатьевской редакции Повести об убиении Андрея: в одном случае он упомянут одним именем без отчества, в другом фигурирует как Кучкович (ПСРЛ 2: 585–586). Выходит, величание с патронимом для этих двух людей вообще не было обязательным, кем бы они ни были по статусу.

Последний персонаж, именованный на *-ич*, — это Добрыня Микитич. Он фигурирует только в граффито и больше нигде не упоминается. Правда, владимирский летописец, описывая междоусобицу после смерти Андрея, отмечает среди «злых человек», подговаривавших князя Мстислава Ростиславича против Всеволода Юрьевича в 1176 г., некоего Добрыню Долгого (ПСРЛ 1: 381–382). Этот Добрыня погиб в Липицкой битве 1176 г., сражаясь на стороне ростовцев, и, судя по всему, он был одним из лидеров ростовского боярства. А. А. Гиппиус и С. М. Михеев считают возможным идентифицировать Добрыню Микитича надписи и летописного Добрыню как одно лицо. Но сами же исследователи признают, что это не более чем догадка, которая может столкнуться и с возражениями (Гиппиус, Михеев 2020: 83). С таким же успехом можно предположить, что автор надписи указал отчество в этом случае, наоборот, как раз для того, чтобы Добрыню-заговорщика не спутали с ростовским боярином Добрыней. Имя *Добрыня* было, видимо, довольно популярным в древней Руси, и в данном случае следует быть особенно осторожным, уберегаясь от монопросопомании.

Завершая этот обзор вопроса о связи отчества и социального статуса, приходится заключить, что само по себе указание в граффито пятерых заговорщиков с *-ичами* не может служить доказательством принадлежности их именно к боярству. В то же время нельзя игнорировать то обстоятельство, что их *в принципе можно было* так называть. Оно, безусловно, свидетельствует о том, что эти люди в том или ином смысле, в том или ином аспекте могли позиционироваться или восприниматься

8. Я бы в таком духе объяснял и сочетание имен Петрко и Стырята, идущих рядом в 6-й строке надписи, — это не разные люди, а один человек (Петр), указанный со вторым нехристианским именем или прозвищем (Стырята). Именно потому, что в заговоре участвовали несколько человек с именем *Петр*, автор стремился отличить каждого из них. А. А. Гиппиус и С. М. Михеев теоретически допускают такую трактовку, но склоняются все-таки к тому, чтобы видеть в Стыряте отдельную личность, и даже конструируют его биографию, не боясь весьма рискованных (на мой взгляд) отождествлений и гипотез.

как принадлежащие элитарным слоям общества. Каким именно, если не боярскому? К ответу на этот вопрос я обращусь чуть ниже, отвергнув последний аргумент, который приводится в защиту тезиса о «боярском заговоре».

Как говорилось выше, этот аргумент исходит из поисков недругов убитого князя по принципу *сui bono*. В большинстве случаев поиски эти, предпринимавшиеся разными историками XVIII — начала XXI в., приводили авторов к обвинению в убийстве князя именно бояр. Проблема, однако, в том, что этому обвинению явно не хватает доказательной базы. Споры нет, недовольных авторитарной политикой Андрея было немало в последние годы его жизни, и скорее всего, именно в среде боярства крупнейших городов Ростово-Суздальской земли. Однако недовольство — это одно, а заговор и убийство — это совсем другое. Попытки историков установить какую-то связь между первым и вторым основаны либо на чисто теоретических рассуждениях, либо на выявлении тех или иных подтекстов или двойных смыслов в летописных выражениях, либо (к сожалению, больше и чаще) на позднейших красочных преданиях. В данном случае нет возможности пересматривать все эти попытки, и я сошлусь только на заключение коллеги, вникшего в суть дела: «...тайное убийство есть тайное убийство, а не открытый и всеобщий мятеж. Современные историки, изучающие обстоятельства гибели князя, порой пишут о разветвленном заговоре, в котором известные нам убийцы оказываются лишь исполнителями чужой воли, а за их спинами скрываются мрачные фигуры настоящих убийц — то ростовских или суздальских бояр, то ближайших родственников Андрея... Полагают, будто о заговоре были осведомлены не только жители стольного Владимира, но и ближайшие дружинники князя, и какие-то церковные иерархи, и оказавшиеся во Владимире послы других русских князей... В жизни так не бывает. Заговорщиками не могут быть все. Строя свои выводы на принципе: кому могла быть выгодна смерть князя, нетрудно зайти в тупик. Версий много, и каждая из них в равной степени имеет право на существование — но лишь в качестве не подтверждаемой источниками гипотезы, проще говоря — фантазии» (Карпов 2020: 333).

Итак: если не бояре, то кто? Ответ на этот вопрос, в общем, достаточно очевиден, и в той или иной формулировке он уже звучал в историографии, хотя недостаточно последовательно и артикулированно, чтобы опровергнуть «боярскую» версию. Социальный облик убийц князя определяют сами источники, причем как раз наиболее ранние и надежные (из первой категории, по выше приведенной категоризации).

Прямые социальные характеристики заговорщикам дают сообщение новгородского летописца и новонайденное граффито. В Новгородской 1-й летописи (и старшего и младшего изводов) читаем: «убиша Володимири князя Андрея свои милостыници» (НПЛ: 34, 223). В граффито во второй его части после списка убийц сказано обобщенно о самом убийстве: «убиень бысть князь Аньдрѣи своими паробкы».

Оба определения известны по древнерусским источникам именно как социальные термины, и по основному смыслу они соответствуют друг другу. Милостниками называли княжеских фаворитов. Это были люди сами по себе не родовитые и не богатые, а выдвинувшиеся благодаря *милостям* князей — т. е. протекции и пожалованиям. Помимо статьи НПЛ 1174 г. есть еще три упоминания термина в источниках XII в., и все они указывают на «княжеских приближенных незнатного происхождения» (Горский 2019: 216; ср. также: Введенский 2022; Исмаилова 2022).

Термин *паробок* гораздо чаще встречается в источниках. Его значение было несколько шире — вообще зависимый человек, служащий своему господину. Упоминаются не только княжеские, но также боярские и епископские паробки. В двух новгородских берестяных грамотах речь идет о них как несвободных слугах (холопах). Но в летописных контекстах это могут быть военные слуги князей, свободные люди — те, кого также могли назвать отроками или гридью (Горский 2019: 241–242). В «Вопрощании» Кирика, новгородского книжника середины XII в., о паробке идет речь в связи с поставлением в сан священника (Мильков, Симонов 2011: 389, 422). Кирик писал о паробке как человеку, зависимом от «господ», однако саму возможность хиротонии не исключал, а значит, не видел в нем холопа (каноны категорически воспрещали посвящать в сан несвободных).

Комментируя характеристику убийц князя в граффито как паробков, А. А. Гиппиус и С. М. Михеев расценивают ее как «пейоративное наименование» (Гиппиус, Михеев 2020: 79). Действительно, некий уничижительный смысл проглядывает в данном контексте. Но все-таки термин с вполне ясным социальным содержанием не мог выступать в надписи на стене собора просто как ругательство, он должен был отталкиваться от реальности. Полагаю, автор граффито имел в виду нечто подобное тому, что обозначал термин *милостник*, употребленный в новгородской летописи, но, вероятно, желая принизить злодеев-убийц, он выбрал похожее слово, которое вызывало больше ассоциаций не с княжеской милостью, а со служебной зависимостью.

Семантическая близость терминов *милостник* и *паробок* прямо подсказывается Повестью об убиении Андрея в той ее редакции, которая отразилась в Ипатьевской летописи. Здесь фигурируют оба слова. *Паробок* используется в словах, приписанных князю Андрею, когда к тому вламываются убийцы и один из них пытается выдать себя за некоего Прокопия, человека, близкого князю («и рече князь: о паробъче, не Прокопья!»), и затем в речи Кузмища Киянина, когда он обращается к телу убитого князя: «уже тебе, господине, паробъци твои тебе не знают (не признают — П. С.)» (ПСРЛ 2: 586, 591).

В описании действий заговорщиков сразу после убийства князя говорится, что они расправились с упомянутым Прокопием, и оказывается, что тот был милостником Андрея: «оканънии убиша Прокопья милостьника его». Тут же сообщается, что во время грабежа боголюбовского дворца «окаянные» забрали «милостные коне» и «оружья княже милостное» (ПСРЛ 2: 589). Из последнего весьма характерного выражения летописца следует, что эти кони и оружие были княжеской собственностью, которую князь давал в пользование своим слугам-милостникам. Теперь же их расхватали убийцы. Трудно удержаться от мысли, что заговорщики присвоили, собственно, то, чем они сами ранее только пользовались, но не владели. Они и были такими же милостниками, как убитый ими Прокопий, которым один из них притворялся. Автор этой редакции Повести выбирает для заговорщиков слово «паробъцы», видимо, по той же причине, что и автор граффито — вкладывая в него пейоративный смысл, подчеркивая служебно-зависимые отношения (неслучайно соответствие в словах Кузьмищи: *господин vs. паробки*). Иными словами, писатель имел в виду, что не все княжеские милостники, присутствовавшие в тот момент в Боголюбове, приняли участие в заговоре, и, выделяя среди них убийц, применил к этим последним (не прямо, но косвенно — в речах героев его произведения) слово *паробок* — семантически близкое термину *милостник*, но с более унижительными коннотациями.

Теперь можно еще вспомнить характеристику Якима Кучковича как «слугу возлюбленного» князя Андрея, и тогда станет понятнее, куда указывают все эти три слова, употребленные в Повести по более пространной версии Ипатьевской летописи. Они описывают одну и ту же среду княжеских слуг-фаворитов, которые *служили* князю, были обязаны своим выдвиганием его *милостям* и сильно зависели от его *господского* благоволения. В краткой редакции Повести по Лаврентьевской летописи эти люди так и не получают никаких социальных опреде-

лений. Но весь контекст описания заговора и последовавших за ним убийств и грабежей «в волости» князя (по обеим редакциям Повести) не дает никаких намеков, что убийцы были сильно выше статусом «боголюбских граждан и дворян» и «владимирцев», с которыми им пришлось так или иначе взаимодействовать в ходе этих безобразий. В то же время совершенно отдельно от заговорщиков выступают владимирские и ростовские бояре в рассказе об усобице в Ростово-Суздальской земле в 1174–1177 гг.

В целом все источники первой категории сходятся в социальном портрете заговорщиков. Они имеют в виду одно и то же — группу княжеских выдвиненцев, не принадлежащих родовой аристократии, но имеющих достаточно высокий социальный статус. Эти люди располагали некоторой властью и некоторыми средствами, но не были укоренены в местном обществе и включены в порядок передачи статуса по наследству. Кто-то из них мог быть даже несвободного статуса (как Амбал ключник — управитель домашнего хозяйства). Эту социальную группу правильно называть низшей (мелкой) знатью, и она стала оформляться с конца XI в. с распадом «большой дружины» и параллельно усилению боярской аристократии (см. Стефанович 2013; 2021). По статусу (не столько юридическому, сколько по фактическому положению и авторитету) они были близки, как верно писал Ю. А. Лимонов, западноевропейским министрам. Это социальный слой, который можно зачислить в общественную элиту, но который отделен от настоящей аристократии — сливок общества, родовой знати, боярства.

Показания древнейших источников дают четкий ответ на вопрос, сформулированный в начале статьи: князя Андрея Боголюбского убили его слуги-милостники — фавориты, обязанные ему службой, представлявшие социальный слой низшей (мелкой) знати. Нет никаких оснований игнорировать эти прямые показания и подозревать в них какие-то двойные смыслы, тенденциозные умолчания и экивоки. Оставляя «фантазии» (как выразился А. Ю. Карпов), подозревать надо сведения позднейших источников, если и отражающие реальность, то в сильно искаженном виде, а то и просто мифические. Как выясняется, та форма, в которой представлены убийцы в летописи и в анафематствующей церковной надписи (имена с патронимами), сама по себе не может свидетельствовать в пользу боярского статуса заговорщиков. Историкам пора также расстаться с фольклорно-литературным образом Кучка как представителя «первоначальной московской знати». Теоретически этот человек мог быть равным образом и боярином, и тиуном,

и тем же слугой-милостником (хотя в любом случае не московским, а владимирским), но его сын, принимавший участие в заговоре, был прямо назван в Повести об убиении Андрея «слугой», и по совокупности всех достоверных данных выходит, что это было указание именно на социальный статус.

Миф о «боярском заговоре», приведшем к гибели Андрея, должен изучаться в контексте той эпохи, когда он возник и расцвел (XIV–XVII вв.). Предпринятая в настоящей статье «деконструкция» этого мифа — лишь одна из деталей, необходимых для переосмысления всей картины ожесточенной борьбы, развернувшейся в Ростово-Суздальской земле в условиях политического вакуума после смерти владимирского князя. Остается надеяться, что будущие исторические исследования этой темы будут опираться именно на древнейшие и наиболее достоверные данные, набор которых существенно пополнила замечательная находка А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева.

Список литературы

- Введенский 2022 — А. М. Введенский. Статус *милостника* в домонгольской Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XL1. СПб., 2022. С. 6–19.
- Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.
- Гиппиус, Михеев 2011 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 152–179.
- Гиппиус, Михеев 2020 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slověne*. Vol. 9. № 2. 2020. С. 63–102.
- Гиппиус, Михеев 2021 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Летописная надпись-граффито 6666 года. Из свода древних надписей на стенах Новгородского Софийского собора // Новгород и Новгородская земля: Письменность и книжность. Вып. 1: Материалы научно-практической конференции 24–26 сентября 2019 года. Великий Новгород, 2021. С. 46–56.
- Горский 2019 — А. А. Горский. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.
- Исмаилова 2022 — З. А. Исмаилова. «Милостники» Древней Руси // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 6. С. 3–19.
- Карпов 2020 — А. Ю. Карпов. Андрей Боголюбский. 2-е изд. М., 2020 (Жизнь замечательных людей. Вып. 1653 (1453)).

- Кренке 2004 — Н. А. Кренке. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М., 2004. С. 65–76.
- Кривошеев 2003 — Ю. В. Кривошеев. Гибель Андрея Боголюбского: историческое расследование. СПб., 2003.
- Кривошеев, Соколов, Гусева 2021 — Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов, С. В. Гусева. Москва в эпоху Средневековья: очерки политической истории XII–XV столетий. СПб., 2021.
- Кузнецов 2012 — А. А. Кузнецов. Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей. М., 2012. С. 23–32.
- Кучкин 1996 — В. А. Кучкин. Москва в XII — первой половине XIII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 3–13.
- Кучкин 2019 — В. А. Кучкин. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI — первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 3–13.
- Лимонов 1987 — Ю. А. Лимонов. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Литвина, Успенский 2006 — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.
- Медынцева 1978 — А. А. Медынцова. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М., 1978.
- Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011 (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII).
- Михеев 2018 — С. М. Михеев. Автографы трех новгородцев XII века: О надписях Угринца-Феодора, Домашки Мыслятинича и Путьки Твердятинича // Труды ИРЯ. XVI: Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2016–2017. М., 2018. С. 174–192.
- Панова 2013 — Т. Д. Панова. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI в. М., 2013.
- Сиренов 2018 — А. В. Сиренов. Сказание о верных святых князьях русских и вне-летописная статья «А се князи русстии» // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 162–172.
- Стефанович 2013 — П. С. Стефанович. Элита Древнерусского государства (конец X — первая половина XIII в.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 39–49.
- Стефанович 2021 — П. С. Стефанович. «Полк» Александра в Невской битве по Житию Александра Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 315–330.
- Фроянов 1995 — И. Я. Фроянов. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
- Чернов 2023 — С. З. Чернов. Могутовский сфрагистический комплекс XII века и предыстория Москвы. М.; Вологда, 2023.

Об авторах

- Александр Григорьевич Авдеев (Alexander G. Avdeev), Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет и Университет Дмитрия Пожарского
- Марина Анатольевна Бобрик (Marina A. Bobrik)
- Валерий Леонидович Васильев (Valery L. Vasilyev), Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
- Антон Михайлович Введенский (Anton M. Vvedenskii), НИУ ВШЭ и СПБИИ РАН¹
- Андрей Юрьевич Виноградов (Andrey Yu. Vinogradov), НИУ ВШЭ
- Вячеслав Александрович Волхонский (Viacheslav A. Volkhonskii), Новгородский музей-заповедник
- Петр Григорьевич Гайдуков (Petr G. Gaidukov), ИА РАН
- Тимофей Валентинович Гимон (Timofey V. Guimon), Институт всеобщей истории РАН
- Сергей Владимирович Городилин (Sergey V. Gorodilin), ИРИ РАН
- Антон Анатольевич Горский (Anton A. Gorskii), ИРИ РАН
- Александр Игоревич Грищенко (Alexander I. Grishchenko), Ин. слав. РАН
- Джорджо Дзиффер (Giorgio Ziffer), Университет Удине (Università degli Studi, Udine)
- Дмитрий Анатольевич Добровольский (Dmitriy A. Dobrowolski), НИУ ВШЭ
- Роман Николаевич Кривко (Roman N. Krivko), Институт славистики Венского университета (Institut für Slawistik Universität Wien)
- Александр Владимирович Лаврентьев (Alexander V. Lavrentiev), НИУ ВШЭ
- Анна Феликсовна Литвина (Anna F. Litvina), НИУ ВШЭ
- Павел Владимирович Лукин (Pavel V. Lukin), ИРИ РАН и ШАГИ РАНХиГС
- Савва Михайлович Михеев (Savva M. Mikheev), Гейдельбергский университет (Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg) и ШАГИ РАНХиГС
- Александр Михайлович Молдован (Alexander M. Moldovan), ИРЯ РАН
- Сергей Львович Николаев (Sergei L. Nikolaev), Ин. слав. РАН
- Олег Михайлович Олейников (Oleg M. Oleinikov), ИА РАН
- Павел Владимирович Петрухин (Pavel V. Petrukhin), Гейдельбергский университет (Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg), ИРЯ РАН и ШАГИ РАНХиГС
- Анна Абрамовна Пичхадзе (Anna A. Pichkhadze), ИРЯ РАН
- Сергей Владимирович Полехов (Sergey V. Polekhov), ШАГИ РАНХиГС
- Анна Владимировна Птенцова (Anna V. Ptentsova), МГУ им. М.В. Ломоносова и ИРЯ РАН
- Милена Всеволодовна Рождественская (Milena V. Rozhdestvenskaia), ИРЛИ РАН

1. Расшифровки аббревиатур см. в Списке сокращений на с. 619–621.

ОБ АВТОРАХ

Татьяна Всеволодовна Рождественская (Tatiana V. Rozhdestvenskaia), СПбГУ и НИУ ВШЭ

Елена Александровна Рыбина (Elena A. Rybina), МГУ им. М. В. Ломоносова

Владимир Валентинович Седов (Vladimir V. Sedov), ИА РАН и МГУ им. М. В. Ломоносова

Дмитрий Владимирович Сичинава (Dmitri V. Sitchinava), ИРЯ РАН и Потсдамский университет (Universität Potsdam)

Петр Сергеевич Стефанович (Petr S. Stefanovich), НИУ ВШЭ и ИРИ РАН

Йос Схакен (Jos Schaeken), Лейденский университет (Universiteit Leiden)

Марфа Никитична Толстая (Marfa N. Tolstaya), Ин. слав. РАН

Светлана Михайловна Толстая (Svetlana M. Tolstaya), Ин. слав. РАН

Анатолий Аркадьевич Турилов (Anatolii A. Turilov), Ин. слав. РАН

Борис Андреевич Успенский (Boris A. Uspenskii), НИУ ВШЭ

Федор Борисович Успенский (Fyodor B. Uspenskii), ИРЯ РАН и ШАГИ РАНХиГС

Анна Александровна Фитискина (Anna A. Fitiskina), НИУ ВШЭ

Саймон Франклин (Simon C. Franklin), Кембриджский университет (University of Cambridge)

Константин Цукерман (Constantin Zuckerman), Практическая школа высших исследований (École pratique des hautes études), Université Paris Sciences & Lettres

Мария Наумовна Шевелёва (Maria N. Sheveleva), МГУ им. М. В. Ломоносова

Список сокращений

- АН — Академия наук
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 1–3. М., 1953–1964
- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто
- ВЯ — Вопросы языкознания
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), собрания:
Барс. — Е. В. Барсова;
Музейск. — Музейское;
Син. — Синодальное;
Увар. — А. С. Уварова;
Усп. — Успенское
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
- ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004
- ИА — Институт археологии
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
- Ин. слав. РАН — Институт славяноведения РАН
- ИОРЯС:
1852–1863 — Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности;
1896–1916 — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук
- ИРИ РАН — Институт российской истории РАН (Москва)
- ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- ИРЯ РАН — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- НГБ — Новгородские грамоты на бересте, тома (эксплицитная нумерация — с тома X):
II — А. В. Арциховский. Из раскопок 1952 г. М., 1954;
IV — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Из раскопок 1955 г. М., 1958;
V — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963;
VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Из раскопок 1977–1983 гг. Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986;
IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993;
X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000;
XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004;
XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Из раскопок 2001–2014 гг. М., 2015

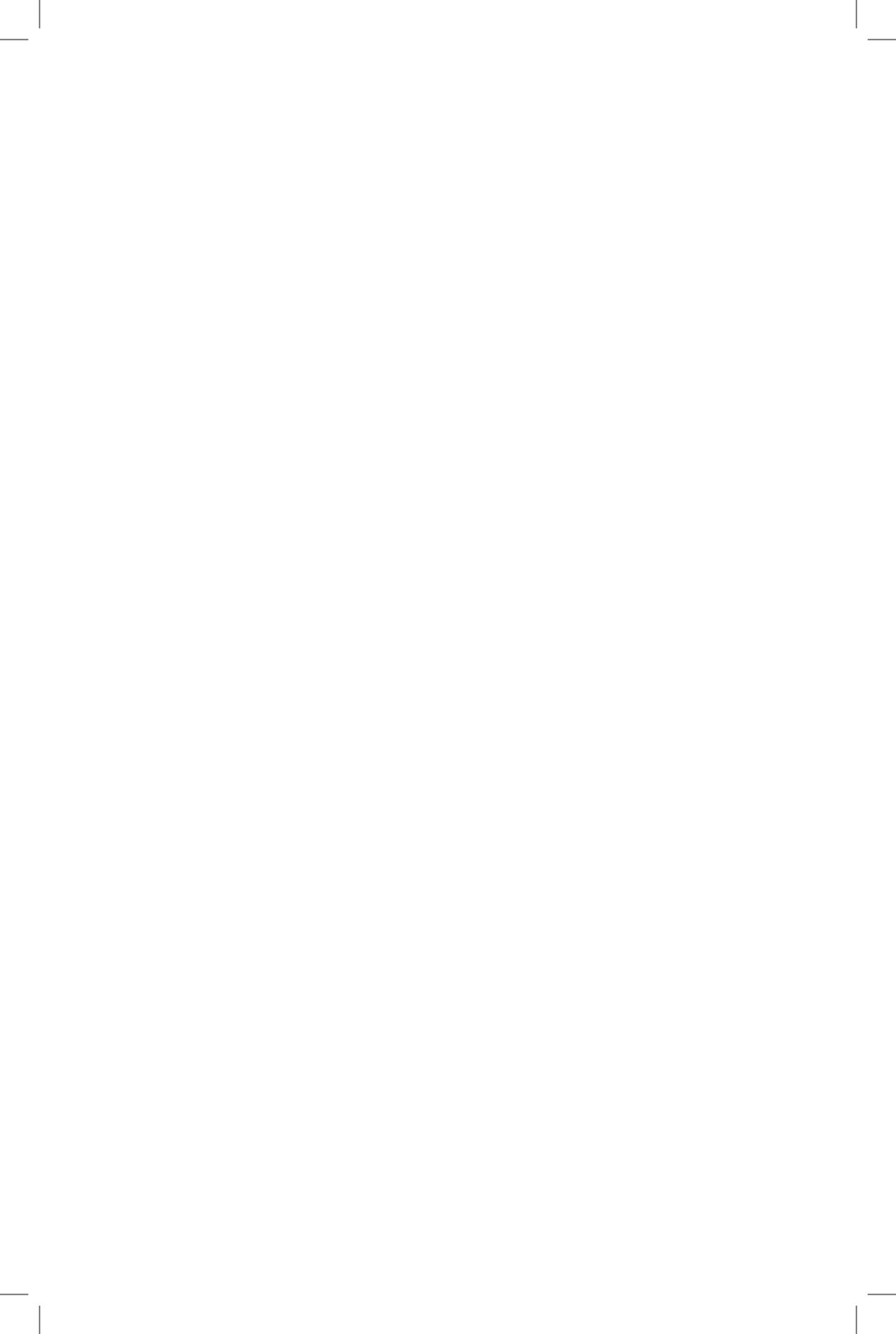
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НИС — Новгородский исторический сборник
- НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Санкт-Петербург)
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (Электронный ресурс. URL: ruscorpora.ru. Дата обращения: 15.12.2022)
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2010
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова]. М.; Л., 1950
- НСВ — несовершенный вид
- Пск. — Псков
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, тома:
 1 — Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е: в 2-х вып. Л., 1926–1927;
 2 — Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908;
 4/1 — Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Изд. 2-е: в 3-х вып. Пг., 1915; Л., 1925–1929;
 4/2 — Т. IV. Ч. 2: Новгородская пятая летопись. Вып. 1. Пг., 1917;
 6/1 — Т. VI. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000;
 6/2 — Т. VI. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М., 2001;
 7 — Летопись по Воскресенскому списку: [Текст за 1075–1353 гг.]. СПб., 1856;
 8 — Летопись по Воскресенскому списку: [Текст за 1354–1541 гг.]. СПб., 1859;
 11 — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью: [Текст за 1362–1424 гг.]. СПб., 1897;
 15 — Рогожский летописец. Тверской сборник. Изд. 3-е. М., 1965;
 16 — Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889;
 18 — Симеоновская летопись. СПб., 1913;
 23 — Ермолинская летопись. СПб., 1910;
 24 — Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921;
 25 — Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949;
 30 — Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965;
 37 — Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982;
 42 — Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002;
 44 — Летопись Авраамки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018
- РАН — Российская академия наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва), собрания:
 МГАМИД — Московского главного архива Министерства иностранных дел (ф. 181);
 Оболен. — М. А. Оболенского (ф. 201);
 Тип. — Синодальной типографии (ф. 381)
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), собрания:
 Беляев — И. Д. Беляева (ф. 29);
 Волок. — Волоколамское (ф. 113, Иосифо-Волоцкого монастыря);
 Егор. — Е. Е. Егорова (ф. 98);
 МДА — фундаментальное собр. библиотеки Московской духовной академии (ф. 173.1);
 МДА-врем. — собр. по временному каталогу библиотеки Московской духовной академии (ф. 173.111);
 Муз. — Музейное (ф. 178);
 Рум. — Н. П. Румянцова (ф. 256);
 Тр. — Троицкое (ф. 304/1, главное собр. рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры);
 Унд. — В. М. Ундольского (ф. 310)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РИБ — Русская историческая библиотека, тома:
 5 — Т. 5: Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706).
 Петербург, 1878;
 8 — Т. 8. СПб., 1884;
 18/1 — Т. XVIII: Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), собрания:
 Кир.-Бел. — Кирилло-Белозерское;
 ОЛДП — Общества любителей древней письменности;
 Погод. — М. П. Погодина;
 Сол. — Соловецкое
- РЯНО — Русский язык в научном освещении
 свт. — святитель
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М., 1988–2019–.
- СК XI–XIII 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг,
 хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–
 2019–.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской
 Академии наук
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПБИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН
 (Дом Н. П. Лихачева)
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского
 языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб., 1893–1903
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–2. М.; Л., 1965–1966; Вып.
 3–26. Л., 1968–1991; Вып. 27–52. СПб., 1992–2021–.
- Ст. Р. — берестяные грамоты из раскопок в Старой Руссе
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской
 литературы]
- Торж. — берестяные грамоты из раскопок в Торжке
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем.
 и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973
- ШАГИ РАНХиГС — Школа актуальных гуманитарных исследований
 Института общественных наук Российской академии народного хозяйства
 и государственной службы
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский
 лексический фонд. Вып. 1–42. М., 1974–2021–.
- ВАН (= БАН) — Bibliotheka Rossijskoj Akademii nauk (Санкт-Петербург)
- КВ — Koninklijke bibliotheek (Гаага)
- Par. — Bibliothèque nationale de France (Париж)
- RGB (= РГБ) — Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka (Москва)
- RNB (= РНБ) — Rossijskaja nacional'naja biblioteka (Санкт-Петербург)
- SPbGU (= СПбГУ) — Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet
- SUB — Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek (Гёттинген)
- UB — Universiteitsbibliotheek (Амстердам, Гент, Лейден)
- WLB — Württembergische Landesbibliothek (Штутгарт)

Научное издание
Заказное издание

ОТ СОРОЧКА К ОЛЕКШЕ

Сборник статей
к 60-летию А. А. Гиппиуса

Выпускающий редактор Е. В. Попова
Корректор Г. А. ЛАКЕЕВА
Художник П. П. ЛОСЕВ
Верстка Т. Г. Ситниковой

Подписано в печать 16.10.2023. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 50,7. Тираж 300 экз. Изд. № 1041

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в ООО «Типография «Миттель Пресс».
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6, офис 7.
Тел./факс: +7 (495) 619-08-30, E-mail: mittelpress@mail.ru

ISBN: 978-5-85006-504-1

9 785850 065041